

В.М. Фриче

**Художественная литература и
капитализм**

**Часть 1: Англия; Германия;
Австрия; Скандинавия.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Фриче**
Художественная литература и капитализм: Часть 1: Англия; Германия; Австрия; Скандинавия. / В.М. Фриче – М.: Книга по Требованию, 2020. – 146 с.

ISBN 978-5-517-98894-2

ISBN 978-5-517-98894-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ основѣ этого буржуазнаго міропониманія лежало убѣжденіе, что „эгоизмъ“ является главной пружиной чело-вѣческой дѣятельности, а ея главной цѣлью—„увеличеніе богатства страны“.

Оба эти положенія были блестяще развиты въ классиче-скомъ трудѣ А. Смита („О богатствѣ народовъ“).

Наилучшимъ способомъ накопленія національнаго богат-ства являлась въ глазахъ буржуазнаго общества свобод-ная конкуренція между отдѣльными государствами (фрит-редерство), а внутри государства - свободная конкуренція между отдѣльными классами и индивидуумами (манчестер-ство). Всякое вмѣшательство государства во взаимныя от-ношенія между капиталомъ, землей и трудомъ различныхъ націй, классовъ и индивидуумовъ признавалось имъ вред-ными тормозами прогресса.

„Только всеобщая свобода торговли поставитъ Англію на такую высоту, что она не будетъ имѣть соперниковъ. Она сдѣлаетъ Англію не только мастерской всего міра, но и складомъ произведеній всѣхъ націй“ (Алисонъ. „Всеоб-щая свободная торговля“).

На своемъ знамени капиталистическая буржуазія напи-сала такимъ образомъ извѣстныя слова — *laissez faire*.

Хотя теоретики капитализма въ своихъ трудахъ посто-янно толковали о „національномъ богатствѣ“, но подразумѣ-вали подъ этимъ словомъ богатство не всей націи, а опре-дѣленнаго класса—буржуазіи.

Какъ Сеньоръ, а впоследствии Фаусетъ, они доказывали, что капиталисты имѣютъ полное право присваивать себѣ значительную часть этого „національнаго богатства“ подъ видомъ прибыли, какъ вознагражденіе за „воздержаніе“ отъ радостей жизни, которое наложили на себя какъ они, такъ въ особенности ихъ предки, чтобы накопить необхо-димые для дѣла капиталы.

На долю рабочаго класса отъ всего этого „національ-наго богатства“ оставались однѣ жалкія крохи, недоста-точные даже для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребно-стей,— такъ называемая заработная плата.

Ученые политико-экономы доказывали пролетаріату, что низкій уровень этой заработной платы вовсе не зависитъ отъ жадности капиталистовъ, а отъ „желѣзныхъ“ законовъ, противъ которыхъ безсильны и сами капиталисты.

Заработная плата, говорилъ Рикардо, не можетъ подняться надъ „минимумомъ средствъ существованія“ пролетаріата, ибо если бы она поднялась надъ этимъ уровнемъ, улучшилось бы положеніе рабочаго, увеличилось бы число браковъ, предложеніе труда превзошло бы спросъ, и она бы немедленно же снова понизилась.

Если, поясняя въ свою очередь Мальтусъ, изъ капитала, ежегодно назначаемаго на производство, вычестъ всѣ расходы по оборудованію машинъ, закупкѣ сырья и т. д., то останется нѣкоторая постоянная величина—„заработный фондъ“, который и распределяется между рабочими въ зависимости отъ ихъ количества: если рабочіе будутъ воздерживаться отъ производства на свѣтъ большого потомства, то ихъ заработная плата естественно увеличится; ея высота зависитъ не отъ состоянія промышленности, не отъ доброй воли капиталистовъ, а исключительно отъ половой воздержанности самихъ рабочихъ. Искоренить на землѣ нищету и бѣдность никакое общество не въ состояніи.

„Народонаселеніе,—доказывалъ Мальтусъ,—растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія увеличиваются только въ прогрессіи арифметической“.

Таковъ „железный“ законъ „природы“, который есть въ то же время и законъ „Божій“. При такихъ условіяхъ нищета на землѣ неизбѣжна: въ ея существованіи виноваты сами бѣдняки, производящіе слишкомъ большое потомство.

„Если,—прорипцалъ Мальтусъ,—бѣднякъ произвелъ большую семью, то онъ совершаетъ преступленіе. Пусть онъ жалуется на самого себя. Ему слѣдуетъ отказать во всякой помощи. Если же къ нему протянется рука благотворителя, пусть она будетъ какъ можно болѣе скупа“.

Если рабочій не нашелъ себѣ заработка, то онъ лишній въ обществѣ: „за богатымъ пиршественнымъ столомъ природы для него нѣтъ свободнаго прибора,—пусть онъ убирается“.

Крупная буржуазія, не стѣсняясь и не краснѣя, примѣняла на практикѣ эту теорію своихъ вѣрныхъ ученыхъ защитниковъ, оправдывавшую законность эгоизма и эксплоатации, необходимость дѣленія общества на классъ, присваивающій себѣ „національное богатство“, и классъ, для котораго нѣтъ мѣста „на пиршественномъ столомъ природы“.

Капиталисты непомѣрно растягивали рабочій день, платили нищенскую плату, эксплуатировали женскій и дѣтскій трудъ, пользовались и системой „выжиманія пота“, и системой „уплаты продуктами“, отмѣняли старые законы объ общественной благотворительности, превращали рабочие дома, т.-е. дома для безработныхъ, въ настоящія тюрьмы, „бастилы“, какъ ихъ прозвалъ народъ.

Такъ рѣшалась социальный вопросъ буржуазія.

Какъ же отвѣчали рабочіе на эту безсовѣстную эксплуатацию?

Въ средѣ англійскаго пролетаріата въ первой половинѣ XIX в. можно подмѣтить три разныхъ теченія.

Одни видѣли въ организациі профессиональныхъ союзовъ наиболѣе надежное средство борьбы съ капиталистической системой. Послѣ того какъ въ 1824 г. парламентъ отмѣнилъ старый законъ (1799 г.), запрещавшій всякія организаціи ремесленниковъ, профессиональные союзы стали очень быстро расти. Буржуазія дала свободу союзовъ не потому, конечно, что раскаялась въ своемъ эгоизмѣ, а потому, что участвовавшіе въ этотъ періодъ кризисы дѣлали эти союзы для нея почти безвредными. Неудачный исходъ дѣлаго ряда стачекъ вызвалъ въ средѣ профессионалистовъ мысль о необходимости объединенія въ одинъ всеохватывающій трэдъ-юніонъ, который всеобщей стачкой разрушилъ бы капиталистическую систему эксплуатаціи: всеобщая стачка не удалась.

Другая часть рабочихъ усматривала единственный выходъ изъ своего тяжелаго положенія въ устройствѣ производительныхъ ассоціаций, какъ знаменитые „рочдельскіе пионеры“: рабочая артель очень скоро превратилась въ обычную акціонерную компанію капиталистическаго типа.

Наконецъ, третья часть рабочихъ пыталась путемъ борьбы за всеобщее избирательное право, путемъ захвата политической власти постепенно подготовить социальное освобожденіе пролетаріата.

Такъ возникло чартистское движеніе.

Начавшись шумными демонстраціями, оно затѣмъ перешло въ шестимѣсячную всеобщую стачку и завершилось вооруженнымъ возстаніемъ: побѣда осталась за командующими классами (1839 г.). Послѣ февральской революціи

механичны не только въ области „труда“, но также въ сферѣ „духа“. Мораль и метафизика вытѣсняются точными науками, химіей, физикой, физиологіей; философія строится не на „духъ“, а на „матерію“, политическими реформами хотятъ уврачевать социальное зло, въ государствѣ видятъ уже не „отца“, призваннаго воспитывать подданныхъ, а „городового“, обязаннаго охранять собственность и собирать налоги.

Въ этомъ обществѣ, изъ тѣла котораго улетѣла душа, господствуютъ, совершенно естественно, грубо-матеріальные инстинкты, животныя идеалы.

Буржуазное общество похоже на стадо свиней, стоящихъ вокругъ корыта, наполненнаго всевозможными отбросами, и говорящихъ:

„Вселенная, насколько мы ее знаемъ, не болѣе какъ огромное корыто, наполненное жидкой и твердой пищей, отчасти доступной, отчасти же недоступной, при чемъ послѣдней для большинства гораздо больше первой.

„Хорошо все то, что облегчаетъ добываніе пищи, дурно все то, что его затрудняетъ.

„Задача жизни заключается въ томъ, чтобы увеличить количество доступной и уменьшить количество недоступной пищи“.

Если каждая свинья имѣетъ свое мѣсто у корыта, не отнимая его у другой, то такой порядокъ вещей называется „справедливымъ“.

Если корыто въ порядкѣ, то что это, какъ не „поэзія“?

Было время—„золотымъ вѣкомъ“ оно называется,—увы! теперь оно миновало,—когда „свиньи могли пользоваться всѣми отбросами и удовлетворять всѣ свои свинскія желанія“.

Для этихъ „мыслящихъ свиней“, всецѣло поглощенныхъ заботами о пищѣ, потусторонній міръ потерялъ всякое значеніе. Онѣ смотрятъ не „вверхъ“, а „внизъ“. Религія перешла изъ „сердца“ въ „желудокъ“ и „кошелекъ“. Мѣсто Библии занялъ „учебникъ по политической экономіи“, символа вѣры — „табличка умноженія“, а богослуженіе состоитъ въ „благословѣніи накопленія капиталовъ“. Такъ стоятъ люди по горло въ „болотѣ“, и нѣтъ ни одной путеводной „звѣзды“, которая сіяла бы имъ сверху, съ небесъ.

Какъ религія, такъ и искусство потеряли всякое серьез-

ное значеніе въ этомъ обществѣ, занятомъ исключительно увеличеніемъ „національнаго богатства“.

Поэзіей древнихъ народовъ была Библія, повѣствовавшая о „дѣяніяхъ Божества“, или эпосъ, гласившій о „подвигахъ героев“. Теперь искусство стало простымъ „придаткомъ“ къ хорошей квартирѣ и хорошей кухнѣ, „послѣобѣденнымъ развлеченіемъ“. Музы, „безстыдныя баядерки“, пошли на содержаніе къ „лѣнливымъ магнатамъ“ и „сладо-страстнымъ набобамъ“, помогая имъ „лучше переваривать пищу“. „Острижки, скоморохи и въ особенности балерины, хорошо знающія свое ремесло,—вотъ на кого большой спросъ у этихъ прожорливыхъ, лѣнливыхъ чудовищъ капитала“.

Героями этого новаго общества являются уже не великіе цивилизаторы, изобрѣтатели письменъ, колонизаторы пустынь и организаторы труда, а желѣзнодорожные короли, владѣльцы акцій, рыцари индустріи; какъ „индѣйцы за скальпами“, охотящіеся за „купонами“, газетные писаки, купающіеся въ сплетняхъ, агитаторы-политики, произносящіе рѣчи съ высоты пивной бочки. Если таковы „вожди“, то каково же должно быть общество? „Скажи мнѣ, кого ты считаешь героемъ, и я скажу тебѣ, кто ты!“

Правительственная система, политическіе идеалы новаго „демократическаго“ общества покоятся на двухъ словахъ: *laissez faire*—пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ. Это значить другими словами: правительство „добровольно“ подаетъ въ отставку“. Въ обществѣ воцаряется „анархія“. Разрушивъ всѣ старыя связи, демократія ставитъ на ихъ мѣсто „пустоту“. Результаты этого „невмѣшательства“ у всѣхъ на глазахъ: „застой въ дѣлахъ, картофельные неурожаи, голодающія швеи, невоздѣланныя поля, полуразвалившіяся хаты, чартистское движеніе, провозглашеніе красной республики“—словомъ, возвращеніе „хаоса“.

Изъ этого всеобщаго „распада“ демократія мечтаетъ выйти путемъ политической реформы, путемъ всеобщаго избирательнаго права: всѣ должны равно участвовать въ управленіи страной.

Но Божество построило вселенную не на принципѣ „равенства“, а на основѣ взаимнаго „подчиненія“. Если люди будутъ уклоняться отъ этого „вѣчнаго и справедливаго“ закона, то они неминуемо погибнутъ. Большинство обязано слу-

паться меньшинства, ибо „послушаніе есть первая обязанность человека“, непремѣнное условіе „порядка“. Одни должны „управлять“ (аристократія), другіе— „просвѣщать“ (интеллигенція), остальные (народъ)— „подчиняться“. Тамъ общество было устроено въ средніе вѣка, когда во главѣ его стояли рядомъ „феодалы и духовенство“. Буржуазное общество, провозгласившее принципъ политическаго равенства, уклонилось отъ этого единственно нормальнаго типа соціальной организаціи и потому превратилось въ „заблудившееся стадо“, руководимое „анархистами“, увлекаемое ими „къ мятежамъ и распаденію“.

Единственное спасеніе для Англіи—это возстановить старый порядокъ господства однихъ, подчиненія другихъ. Вопросъ, отъ котораго все „зависитъ“, заключается въ томъ, найдется ли въ Англіи еще „истинная аристократія“, классъ „непобѣдимыхъ aristoi (Aristoi), готовыхъ сражаться за общее дѣло“?

Нечего говорить: дворянство, которое, благодаря своему соціальному положенію въ качествѣ класса землевладѣльцевъ, лучше другихъ могло бы выполнить эту серьезную общественную функцію, вырождается, на его лицѣ явственно лежитъ печать „Гиппократъ“.

Къ счастью, кромѣ этой родовой знати, есть еще другая аристократія— „прирожденная“, „получившая свой дворянскій патентъ прямо отъ Бога“.

Въ составъ этого класса входятъ какъ тѣ, которые „говорятъ и пишутъ“ (интеллигенція), такъ и люди, занятые „промышленнымъ трудомъ“ (капиталисты).

И тѣмъ и другимъ придется еще не мало поработать надъ собой, чтобы стать истинной аристократіей.

Интеллигенція въ огромномъ большинствѣ случаевъ посвящаетъ свои силы и способности совершенно непривычному труду—занятіямъ литературой. Она не хочетъ понять, что поэзія, „сестра лжи“, нужна лишь тѣмъ, кто живетъ въ „роскоши и нѣгѣ“, тогда какъ пока общество еще должно бороться съ „страшнымъ хаосомъ“. Она не желаетъ сознаться, что люди нуждаются не въ „сладеозвучныхъ пѣсняхъ“, а въ „серьезномъ и мудромъ краснорѣчьи“. Общественная функція интеллигенціи заключается не въ томъ, чтобы „развлекать“, а въ томъ, чтобы „воспитывать“. Истинный „аристосъ“ не долженъ заниматься

литературой. Пусть онъ съ гордостью скажетъ: „За всю свою жизнь я не написалъ ни одной строчки“.

Отъ многихъ предрассудковъ должны отказаться и капиталисты.

Изъ „индѣйцевъ, охотящихся за скальпами“, они обязаны превратиться въ „вождей промышленности“. Если они поймутъ наконецъ, что существованіе Англіи зависитъ вовсе не отъ дешевойны хлопка или отъ обилія товаровъ, что спросъ и предложеніе—вовсе не единственный законъ природы, а заработная плата—не единственное связующее звено между людьми, тогда они станутъ въ самомъ дѣлѣ организаторами труда. Въмѣсто обычнаго договора о наймѣ, не способнаго духовно сблизить предпринимателя и работника, они введутъ долгосрочный контрактъ, который свяжетъ ихъ, какъ въ старину барина и крѣпостного, ремесленника и подмастерьевъ, крѣпкими нравственными узами. Не быть „диварей-кочевниковъ“, которые сегодня живутъ вмѣстѣ, а завтра расходятся въ разные стороны, будетъ тогда прообразомъ для взаимныхъ отношеній между работодателями и тружениками, а семейный домъ, гдѣ мужъ и жена, господа и прислуга на всю жизнь соединены въ тѣсный кружокъ. Капиталисты сдѣлаютъ своихъ рабочихъ участниками въ прибыляхъ предпріятія, такъ что самое предпріятіе получитъ до извѣстной степени характеръ „соціальный“. Такимъ „вождямъ“ охотно подчинятся рабочіе: не нужны имъ будутъ ни всеобщее избирательное право, ни чартистская революція, ни красная республика—они будутъ счастливы тѣмъ, что нашли, наконецъ, своихъ законныхъ руководителей.

При такой „организациіи труда“, гдѣ промышленники предпочтутъ быть „отцами“ своихъ подчиненныхъ, вмѣсто того чтобы только думать о „купонахъ“, стихнетъ бѣшеная конкуренція, рѣже станутъ періоды безумнаго грюндерства, не такъ часто будутъ повторяться эпохи промышленнаго кривиса. Геній англійскаго народа сосредоточится не на „изобрѣтеніи новыхъ машинъ, удешевляющихъ продукты труда“, а на „изобрѣтеніи болѣе справедливой системы распредѣленія жизненныхъ благъ“.

Во главѣ общества, успокоеннаго и примиреннаго, рядомъ съ истинной интеллигенціей, которая будетъ не „развлекать“, а „воспитывать“, станутъ истинные „вожди про-

мысленности“, „борцы противъ хаоса“, великіе цивилизаторы, которымъ „звѣзды будутъ улыбаться“, „дѣла которыхъ благословятъ земля и небо“.

Въ лучшемъ изъ своихъ произведеній, озаглавленномъ „Прошлое и настоящее“, Карлайль рѣзко противопоставляетъ современному буржуазному обществу, основанному на погонѣ за прибылью и за равенствомъ, средневѣковую жизнь, построенную на принципѣ добровольнаго подчиненія большинства „мудрому и храброму“ меньшинству, которое видѣло свое назначеніе въ томъ, чтобы „управлять“ и „воспитывать“.

Карлайль переносится мысленно въ „счастливое“ XIII столѣтіе.

„Никто еще не занимался торговлей хлопкомъ. Не дымятся фабричныя трубы. Желѣзо и уголь еще лежатъ спокойно въ нѣдрахъ земли. Демонъ пара еще не пробудился. Въ Глазго хозяиномъ жизни является еще миссіонеръ, св. Мунго, а не Джемсъ Уаттъ. Въ Манконіумѣ, нынѣ Манчестерѣ, еще не ткуть шерсть. Маммона еще не провозглашенъ божествомъ, продолжая быть простымъ чортомъ“.

Во главѣ общества стояли *феодалы* въ родѣ помѣщика Эдмунда. Они „смотрѣли за работой крестьянъ“, „улаживали аграрныя недоразумѣнія“, „командовали и примиряли“. Арендаторы никогда на нихъ не „жаловались“. Эти помѣщики были настоящими борцами противъ тьмы и хаоса. Съ помощью „Бога“ они старались превратить ввѣренную имъ землю въ „рай“, вмѣсто того чтобы во имя „Маммоны“ ее сдѣлать „адомъ“. Неожиданно къ берегамъ пристали датскіе пираты, способные, подобно современнымъ „реакціонерамъ“ и „соціалистамъ“, только разрушать, а не строить. Они убили помѣщика. На мѣстѣ ихъ преступленія былъ потомъ воздвигнутъ монастырь въ честь св. Эдмунда. *Монахи* продолжали цивилизаторскую дѣятельность феодала. Проникнутые сознаниемъ своей отвѣтственности передъ „Богомъ и людьми“, скованные желѣзной дисциплиной, какъ на „военномъ кораблѣ“, безусловно подчиняясь избраннымъ ими „лучшимъ людямъ“ (*idonei*), они неусыпными стараніями на благо окружающихъ превращали обступившій ихъ со всѣхъ сторонъ „хаосъ“ въ благоустроенный „космосъ“, доказывая всей своей жизнью, что человекъ рожденъ не для „анархіи“, а для „порядка“,